

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ ПРЯМОГО РЕШЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРЯМОЙ ДОСТУП К СОЗНАНИЮ

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель. Институт философии и права Сибирское отделение РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: leitval@gmail.com

В статье показано, что прямое решение Борисовым проблемы скептицизма относительно значения с использованием особого вида интроспекции связано с предположением о прямом доступе агента к собственному сознанию. Такое предположение имеет два осложняющих следствия: аналогия с парадоксом Мура и платонистскую концепцию значения. Показано также, что прямой доступ к значению как способ прямого решения Борисовым скептического парадокса существенно использует перформативность речевого акта, сужая сферу анализа исходной проблемы. Отмечена малоисследованная проблема различения при анализе скептического парадокса содержательной и формализованной математики.

Ключевые слова: значение, интроспекция, скептицизм относительно значения, Крипке, прямое решение проблемы Крипке, прямой доступ, платонизм, речевой акт

OBSTACLES TO A DIRECT SOLUTION THROUGH A DIRECT ACCESS TO CONSCIOUSNESS

Vitaly V. Tselishchev – DSc in Philosophy, Professor, Scientific Supervisor. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva St., Novosibirsk 630090, Russian Federation; e-mail: leitval@gmail.com

The article shows that Borisov's direct solution to the problem of skepticism about meaning using a special type of introspection is associated with the assumption of the agent's direct access to their own consciousness. This assumption has two complicating consequences: the analogy with Moore's paradox and the Platonic concept of meaning. It is also shown that direct access to meaning as a way of Borisov's direct solution of the skeptical paradox significantly uses the performativity of the speech act, narrowing the scope of analysis of the original problem. The little-studied problem of distinction in the analysis of the skeptical paradox of meaningful and formalized mathematics is noted.

Keywords: meaning, introspection, skepticism about meaning, Kripke, direct solution to the Kripke problem, direct access, platonism, speech act

В статье Е.В. Борисова «Прямое решение проблемы Крипке» [Борисов, 2024] представлено его собственное решение одной из наиболее обсуждаемых в современной философии языка проблем, поставленной более двух десятков лет назад. Условное разделение предложенных различными философами решений на «прямое» и «скептическое» Борисов дополняет своей версией прямого решения, оговаривая при этом, что она усиливает версию решения, которое предложил В.А. Ладов [Ладов, 2023], назвавший его «умеренным». Это решение, состоящее в избегании как прямого, так и скептического решения,

Ладов называет новым (так звучит название главы 5 упомянутой выше книги).

В сходной манере, точка зрения Борисова, согласно которой «ограниченный скептицизм совместим с тезисом о существовании знания значений» [Борисов, 2024, с. 23], не очень четко ассоциируется с принадлежностью к какой-либо версии дихотомии. Его исходный тезис состоит в том, что знание значений понимается не как результат интерпретации речевого поведения, а как составная часть речевого акта. Важная роль перформативности в аргументации Борисова, как он сам полагает, является связующим звеном с аргументацией Ладова, поскольку Ладов якобы усматривает перформативное противоречие в скептическом аргументе и избегает его в своем умеренном решении. Я не усмотрел такой связи, но в любом случае решение Борисова представляет самостоятельный интерес.

Важнейшим обстоятельством, с точки зрения Борисова, является перформативный характер коммуникации, в ходе которого агент 1) наделяет свои слова значениями и 2) достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова. Он делает даже более сильное утверждение, говоря, что «если речевые акты существуют, то существует и знание значений агентами речи». Оба утверждения не являются очевидными и явно требуют ответа на вопрос, откуда известно, что агент достоверно знает, какими значениями он наделяет слова. Похоже, что речь идет о прямом доступе агента к своему сознанию. Действительно, Борисов полагает, что «этот тезис нейтрализует аргумент скептика Крипке: скептик исходит из посылки, что знание агентом значений его слов базируется на определенной интерпретации его речевого поведения, но эта посылка неверна». Борисов отвергает интерпретацию и обращается к понятию интроспекции, полагая ее источником или инструментом прямого доступа. Фактически решение Борисова состоит в обосновании особого вида интроспекции, связанного с перформативностью речевого акта.

Он различает интроспекцию₁, которая есть источник эмпирических данных о собственном сознании, и интроспекцию₂, представляющую знание о значениях как составной части речевого акта. Интроспекция₁ отмечается из соображений, высказанных самим Крипке, будучи источником эмпирических данных, которые не дают достоверного знания. А вот интроспекция₂ имеет дело со значениями и не с эмпирическими вещами, и по этой причине она остается тем, с чем имеет дело агент. Само по себе обстоятельство, по которому остается интроспекция₂ только в силу того, что она не имеет дела с эмпирическими вещами, является откровенно недостаточным мотивом для ее выделения в особую категорию, поскольку такая характеристика основывается на отрицании. Требуется нечто большее. Действительно, для объявления о существовании специального вида интроспекции (интроспекции₂) нужны резоны, которые Борисов

сводит к четырем пунктам, которые должны служить обоснованию решения Борисова. Оно сводится «допущению непосредственного и достоверного знания агентом значений, которыми он наделяет собственные слова, что соответствует интуитивному пониманию речи и устойчиво к скептической аргументации (как минимум к аргументации скептика Крипке)».

Из четырех пунктов наибольший интерес вызывает пункт 2); остальные имеют дело с повторением аргументации, что прямой доступ к значениям не должен иметь дело с эмпирическими процедурами (скажем, «сканирование» собственного мозга или сознания). Часть пункта 2) выглядит следующим образом:

Вопреки скептику Крипке... не следует, что достоверное знание агентом тех значений, которыми он наделяет свои слова, невозможно. Факт существования речи свидетельствует, что такое знание имеет место [Борисов, 2024, с. 27].

Здесь возникает несколько вопросов. Прежде всего, постулирование доступа к значению в своей голове фактически означает сверхпрямое решение, потому что тогда нет никакого скептического парадокса. В некотором смысле это то, что называется – *begging questions* (считать спорный вопрос уже решенным при постановке вопроса). То есть такое постулирование вряд ли оправданно. Правда, при расплывчатом понимании прямого доступа здесь возможны дискуссии. Поэтому опять-таки требуется большее объяснение, которое бы исключало подозрение в *begging questions* характере аргументации о прямом доступе. Похоже, Борисов это понимает и приступает к вопросу о прямом доступе несколько с иной стороны.

Скептический парадокс имеет дело с «равноправием» альтернатив в понимании значения или же при идентификации правила, которому агент следует. Последний не может обосновать, что применялось именно то, а не другое (альтернативное) правило. Борисов полагает, что прямой доступ к значению предполагает, что для такого доступа должно иметься обоснование. Какого же рода подразумевается обоснование для разбираемого нами случая? Если речь идет об интроспекции, то, при всей скудости наделения ее Борисовым какими-то характеристиками, речь может идти о вере: сам парадокс подразумевает, что вера агента в следование правилу X оставляет в его сознании такие же следы, как в следовании правилу Y. Но обоснование не может основываться на вере, поскольку для него требуются доказательства и аргументация. На это возражение, можно ожидать, Борисов отделается скупыми характеристиками специфика речевого акта. Так,

...высказывания скептика на страницах работы Крипке представляют собой речевой акт, что порождает перформативное противоречие,

подобное перформативному противоречию, содержащемуся в высказываниях типа «я не говорю по-русски», «я произношу не более семи слов в одной реплике» и т.п. [Борисов, 2024, с. 27].

Является ли такое противоречие на самом деле значимым, оказывается важным вопросом, рассмотрение которого устанавливает связь между собственно речевым актом и эпистемическим парадоксом Дж. Мура [Shoemaker, 1996]. Парадокс имеет дело со странной на первый взгляд ситуацией, когда агент произносит «А, но я не верю, что А». То есть агент утверждает А и в то же время не верит в А. Парадоксальность ситуации состоит в том, что речевой акт А в успешной коммуникации, скажем, декларативное утверждение рационального говорящего, влечет, что он обязан верить в это утверждение. Хотя имеется множество работ, в которых показывается противоречивость подобной ситуации, есть и интересная аргументация, суть которой в сомнениях в том, так уж противоречиво иметь утверждать Х и не верить в Х? Если суждение Х есть результат прямого доступа к сознанию агента, реализуемого в речевой практике присвоения значения, тогда сомнение (неверие) в этом значении можно уподобить предпочтению суждения Y. Поскольку парадокс Мура имеет много решений, судьба решения скептического парадокса зависит от другого парадокса – не самый лучший способ решения одного парадокса, наткнувшись на другой. Любопытным в этом отношении является то, что оба парадокса – скептический и парадокс Мура – были в центре внимания Витгенштейна (первый фактически принадлежит ему, а второй вызывал у Витгенштейна интерес на протяжении довольно долгого времени).

В применении парадокса Мура к вопросу о прямом доступе к значению это означает следующее: я уверен в том, что знаю значение произнесенного мною, но не верю в него. Это можно расценивать как источник скептицизма по поводу моего «настоящего значения», которое ускользнуло от меня, и на самом деле я могу считать, что есть альтернатива. Важно отметить, что здесь главным «действующим лицом» является речевой акт. Если парадокс Мура разрешим и само парадоксальное утверждение будет признано противоречивым, тогда прямой доступ в стиле интроспекции₂ и в самом деле может дать, при отсутствии других возражений, нам знание значения. Но отметим, что предположение и рациональности агента обязывает нас признать его способность к познанию и изменению (!) своего сознания. Так, Ричард Моран [Moran, 2001] полагает, что сама возможность парадоксального утверждения Мура, наверняка противоречивого, говорит больше об агентах как способных к большим степеням свободы, чем это предполагается коммуникацией, ориентированной на факты. В частности, речь идет о том, что способность к подобному речевому акту является следствием нашего статуса агентов (хотя

только в ряде определенных случаев), которые способны познавать (и изменять) свое собственное сознание. При таком толковании парадокса Мура прямой доступ к значению является в ряде случаев проблематичным, если этот доступ аргументируется в контексте речевых актов.

Наконец, есть еще важный аспект в обсуждении этого прямого доступа к значению. С одной стороны, речевой акт есть средство коммуникации, и как таковое оно должно быть манифестировано внешними параметрами (поведенческими, невербальными и пр.) [Dummett, 1993]. В этом смысле, даже допуская неэмпирический характер присваивания зрения, природа значения определяется чем-то внешним. С другой стороны, интроспекция₂ намекает нам о том, что значение является чем-то вроде платонистской сущности: мало того, что оно определяется не-эмпирической процедурой, так оно еще и отыскивается как что-то уже существующее (где?). Учитывая весь груз отягочающих обстоятельств, платонистское обоснование интроспекции₂ вкупе с выдвиганием на первый план перформативности речевого акта может оказаться слишком большой ценой для «прямого решения» Борисова.

На этом этапе аргументация Борисова о роли прямого доступа в пользу «прямого решения» практически заканчивается. Он считает, что прямой доступ к сознанию через интроспекцию₂ дает ему то самое значение, которое является проблематичным для Крипке. В самом деле:

Мое утверждение « $68+57=125$ » вполне обосновано тем значением, которое я придаю знаку «+» и которое мне известно. Назовем этот тезис тезисом прямого решения (применительно к значению «сложения») [Борисов, 2024, с. 29].

Это насквозь позитивное утверждение, но еще не опровержение скептического решения. Среди рассмотренных Ладовым в своей книге вариантов опровержения скептического решения Борисов выбирает критику Н. Теннантом скептического решения Крипке [Tennant, 1997]. Теннант никак не использует какого-либо понятия прямого доступа к сознанию и берет значение арифметических терминов как вполне постижимое и непроблематичное. Его задача состоит в том, чтобы показать, что появление скептических альтернатив «плюс/квус» приводит к абсурду. Изменение плюса на квус Теннант называет «нагибанием» (bending) первого термина, очевидно имея в виду явно искусственный и вынуждающий характер этой эпистемической (лингвистической) операции. Главное возражение Теннанта состоит в том, что такое нагибание не может ограничиться только одним термином и должно распространиться на остальные части всей системы (формальной или с использованием обыденного языка). Такая тотальная ревизия имеет цепной характер и может

продолжаться сколь угодно далеко, что приводит к эпистемическому абсурду.

Борисов обращает внимание на другую важную часть аргументации Теннанта, а именно на то, что «нагибание» стандартных терминов (а в дальнейшем и очередных результатов арифметического новояза) ведет к противоречию со стандартной практикой применения арифметики. Сам Теннант рассматривает противоречия, возникающие, например, при подсчете предметов в куче или в соблюдении законов арифметики, такими как ассоциативность, и в частности вхождения универсального квантора в эти законы. Ладов рассматривает в своей книге последний пример, а Борисов рассматривает еще один, более интересный случай, где Теннант показывает важность ограничений конституирующей значения связи (*meaning-costituting link*) в процедуре переинтерпретаций арифметических терминов (или их «нагибания»). Природа этой конституирующей значения связи очень важна. Она заключается в том, что переинтерпретация входит в противоречие с «базисными» значениями терминов в случае их применений в приложении. Другими словами, значения арифметических терминов формируются не в абстрактной области речевых актов, а в практических областях как содержательных, так и формальных теорий.

Борисов считает, что ограничения в «нагибании» есть результат возможности разных определений арифметических операций, например определения операции сложения рекурсивным способом. Это позволяет ему еще раз подчеркнуть перформативный характер оценки арифметических истин, соотносящихся с «его» значениями терминов:

...если я понимаю «сложение» в смысле данного рекурсивного определения, то мой ответ (на вопрос, почему имеет место $68+57=125$. – В.Ц.) обоснован значением «сложения» в моей речи [Борисов, 2024, с. 29].

Наличие множества определений и есть ответ Крипке, с упором на то, что это «моя речь» или «моя теория».

Все такого рода аргументы сводятся к использованию теорем той или иной арифметической теории при условии, что агент использует термин «сложение», как он определяется в данной теории [Там же, с. 30].

И тут возникает вопрос: аргумент говорит о «моей речи» или «использовании теории»? Борисова не заботит это явное противоречие в прочтении им Теннанта, поскольку он утверждает, что скептик Крипке довольно просто парирует эту аргументацию путем обращения к понятию «нестандартной интерпретации» терминов. (Эту позицию занимает также и Ладов.) Тогда единственным возражением против скептического решения остается следующее:

Конечно, все нестандартные интерпретации такого рода могут быть совместимы со всем массивом данных о речевом поведении агентов. Однако процесс расширения скепсиса ведет к тотальному скептицизму, который, как показывает Ладов, не допускает внятного выражения, а значит, должен где-то остановиться [Борисов, 2024, с. 30].

Упущение Борисовым главного в аргументации Теннанта состоит в том, что он не принимает во внимание «конституирующей значения связи» в приложениях арифметики, которые отмечены выше. Вы можете принять любое «нестандартное» значение термина, но оно войдет в противоречие с применениями. Дело, конечно, не в возможности разных определений, но для Борисова это уже неважно, поскольку у него имеется «его» значение, добытое не в приложениях, а путем интроспекции. Кстати, в этом отношении непонятно, зачем он приводит довольно детальный пример из книги Теннанта, раз он оставляет его без всякой связи с остальными вопросами. В общем-то, тонкости возражений Теннанта и не нужны Борисову в его стратегии прямого решения. В самом деле, фактически Борисов реализует диагноз Патнэма, который описан Ладовым. «Когда Х. Патнэм обсуждает скептический тезис Крипке, он отдает себе отчет, что существуют два возможных способа решения проблемы. Либо мы соглашаемся, что аргументация скептика неопровержима, либо мы должны принять точку зрения платонизма и утверждать возможность непосредственного схватывания значения в качестве некой универсальной сущности» [Ладов, 2023, с. 291]. Интроспекция₂ обеспечивает нам платонизм. Очень жаль, что Борисов не сказал отчетливо о своем платонизме под прикрытием этой самой интроспекции₂.

Также, к сожалению, в оригинальном решении Борисовым скептического парадокса не нашлось места для очень важного обстоятельства, отмеченного опять же Патнэмом. Речь идет о «неправомерном смешении специфического формального языка математики и естественного языка. Те сложности, с которыми можно столкнуться при исследовании естественного языка, можно обойти стороной в области математики, если допустить, что математический язык функционирует совершенно особым образом, отличным от обыденного употребления языковых выражений» [Putnam, 1996, р. 263–264]. Важность такого различия определяется тем, что истоки парадокса кроются в витгенштейновской философии математики. Для нее характерны использование математических концепций и примеров, которые намеренно просты и элементарны. При такой простоте примеров удастся скрыть огромную проблему целой серии изменений значений (переинтерпретаций) других терминов логики и математики. Замечание Патнэма важно, потому что даже в самой проблеме следования важно различать следование

формальным правилам и следование правилам, сформулированным в естественном языке, в духе команд языковых игр. Так, Хинтиikka отмечает, что:

Подлинной трудностью для Витгенштейна было точное понимание того, как формальные игры соотносятся с приложениями. Как могут чисто формальные упражнения направлять их собственные применения? Это обобщение проблемы следования правилу, где встает вопрос, как может символическое выражение направлять действия согласно этому выражению... В конце концов, формальное выражение правила есть «мертвый» физический или геометрический объект, который подлежит интерпретации до того, как стать для меня направляющим. Каков критерий того, что такая интерпретация будет правильной [Хинтиikka, 2013, с. 61–62].

Вопрос о том, в какой степени аргументы Крипке являются воспроизведением исходной аргументации Витгенштейна, широко обсуждается в литературе; крайностью является утверждение, что нам нужно говорить не о Витгенштейне и не о Крипке, а о некоей фигуре Крипкенштейна. Скептическое решение, которое Крипке приписывает Витгенштейну, ведет к радикальным заключениям, и, конечно же, представляет интерес, в какой степени Крипке готов считать это заключение подлинным парадоксом. Но сам Крипке по этому поводу был очень уклончив. В этом отношении очень характерно признание Крипке в интервью Эрролу Моррису.

МОРРИС: Не ведет ли прием плюс/квус, если вы принимаете позицию Витгенштейна, к бессмыслице?

КРИПКЕ: Да. Я думаю, что вполне правдоподобно рассматривать эту ситуацию, я бы сказал, с осторожностью... Я говорю в предисловии к [*Wittgenstein on Rules*], что не утверждаю, что этот взгляд является истинным, и отстаиваю свою позицию как юрист. Но я выражаю там своего рода сложные чувства сомнений и опасений [Моррис, 2023, с. 156].

Если принять во внимание точку зрения Патнэма, тогда нужно было бы при изложении скептического аргумента избегать арифметики, в первую очередь потому, что сам Витгенштейн, на которого так ли иначе ссылается Крипке, имел фундаментальные затруднения как раз с формальными правилами. Хинтиikka говорит по этому поводу вполне уверенно следующее:

Пример, приведенный Крипке, «обеспечивается правилами элементарной арифметики, чье использование в приложениях опосредуется языковой игрой в счет. Эта конкретная связь между формальными операциями и их конкретной значимостью была, конечно, известна Витгенштейну. Несмотря на то, что Витгенштейн активно искал такие способы выявления конкретного прагматического значения

в различных случаях, он не преуспел в случае других правил, не говоря уже о формальных играх, только важных для него, таких как формальное доказательство теорем в логике и математике» [Хинтиikka, 2023, с. 64].

Но это означает, что использование арифметического примера в контексте формальных математических теорий в некотором смысле «отменяет» скептический парадокс. И тогда «прямое решение» Борисова, опирающееся на прямой доступ к значению в арифметическом контексте, подвергает его в ситуацию, которую не сумел разрешить и сам Витгенштейн, а сам Крипке (или Крипкенштейн) занял уклончивую позицию.

Борисов занял отнюдь не уклончивую позицию, говоря о прямом решении при прямом доступе к значению. И в этом, пожалуй, заключается значимость его подхода, поскольку в нем Борисов по-настоящему оправдывает расплывчатое название «прямое решение».

Список литературы

Борисов, 2024 – *Борисов Е.В.* Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 2. С. 23–32.

Ладов, 2023 – *Ладов В.А.* Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с.

Моррис, 2023 – *Моррис Э.* Пепельница / Пер. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2023. 272 с.

Хинтиikka, 2013 – *Хинтиikka Я.* О Витгенштейне / Пер. В.В. Целищева под ред. В.А. Суровцева. М.: Канон-плюс, 2013. 271 с.

References

Borisov, 2024 – Borisov, E.V. “Pryamoe reshenie problemy Kripke” [A Straight Solution to Kripke’s problem]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 2, pp. 23–32. (In Russian)

Ladov, 2023 – Ladov, V.A. *Ilyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [The Illusion of Meaning: The Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Moscow: Kanon+, 2023. (In Russian)

Morris, 2023 – Morris, E. *Pepel’nica* [The Ashtray], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+, 2023. (Trans. into Russian)

Hintikka, 2013 – Hintikka, J. *O Vitgenshtejne* [On Wittgenstein], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+, 2013. (Trans. into Russian)

Dummett, 1993 – Dummett, M. *The Seas of Language*. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Moran, 2001 – Moran, R. *Authority & Estrangement: An Essay on Self-knowledge*. Princeton: Princeton University Press, 2001.

Putnam, 1996 – Putnam, H. “On Wittgenstein’s Philosophy of Mathematics”, *Proceedings of Aristotelian Society*, 1996, Supp. Vol. 70, pp. 263–264.

Shoemaker, 1996 – Shoemaker, S. “Moore’s Paradox and Self-Knowledge”, *The First-Person Perspective and Other Essays*. New York: Cambridge University Press, 1996, pp. 74–96.

Tennant, 1997 – Tennant, N. *The Taming of True*. Oxford: Clarendon Press, 1997.